

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории

Крестьянство в социальных системах

Андрей Фурсов

В ноябре 2010 г. журнал «Власть» и Институт социологии РАН провели Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»¹.

Как отметили организаторы стола П.П.Марченя и С.Ю.Разин, крестьянский вопрос в России затрагивает не только собственно крестьянскую сферу, но это всегда вопрос о власти, об органическом единстве власти и народа² (или отсутствии такого единства, добавлю я), а следовательно, это вопрос вопросов русской истории³.

Трудно сказать, вопрос ли это вопросов **всей** русской истории, но несомненно, что до конца 20-х годов крестьянский вопрос **вместе с аграрным** был одним из важнейших. Неспособность решить именно этот вопрос привела, помимо прочего, самодержавие к краху. А неадекватные попытки решения (стольпинские реформы) этот крах ускорили.

А вот СССР рухнул (точнее был разрушен/демонтирован блоком внутренних и внешних сил) из-за неспособности советского общества, системного

ФУРСОВ Андрей Ильич – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия).
E-mail: rusint@bk.ru

Ключевые слова: крестьянство, социальная теория, социальная система, крестьяноведение, *Gemeinwesen*, община.

антикапитализма решить совсем иные, на порядок более сложные вопросы, а потому для русской истории второй половины XX в. аграрно-крестьянский вопрос не есть вопрос вопросов.

В дискуссии был поднят ряд важных вопросов: о крестьяноведении, о том, что такое крестьянин и крестьянство, как оно вписано в социальную систему, о специфике крестьянства в России, о столыпинской реформе и коллективизации. Получившая продолжение⁴ дискуссия представляет интерес и, так сказать, в *идеологическом* плане: одно из выступлений со всей ясностью продемонстрировало, как идеологическая позиция (только теперь не коммунистическая, а либеральная в ее постсоветской версии) влияет на научный анализ, по сути, разрушая его так же, как это делала критикуемая либеральной публикой коммунистическая идеология. Иными словами, дискуссия подталкивает к размышлению о многих важных проблемах крестьянства и его изучения, прежде всего социально-философских.

Крестьяноведение: функции и истоки

По мнению участника дискуссии Н.В.Асонова, крестьяноведение с самого начала служило конкретным политическим целям Запада, направленным на утверждение либерально-демократических ценностей, на слом глобализмом религиозно-культурной жизни деревни⁵.

Этот тезис, верный в самом общем плане, нуждается в уточнении. Действительно, крестьяноведение как исследовательский комплекс возникло в качестве когнитивного средства, по крайней мере, косвенно обеспечивающего решение целого ряда задач в интересах господствующих групп Запада. В этом плане крестьяноведение можно рассматривать как типичный пример «власти-знания» (М.Фуко), конструкции, призванной обосновать социальное господство одних групп над другими – аналогичным образом, например, ориентализм призван был «ориентализировать» (Э.Саид) Восток, т.е. рационализировать господство над ним Запада.

В то же время крестьяноведение возникло за несколько десятилетий

до глобализации как реакция на совсем иные проблемы. Более того, переживавшие бум в 60-е – 80-е годы. «крестьянские штудии» (*peasant studies*) именно по мере развертывания глобализации стали оттесняться на второй план социальных исследований. На самом деле взлет крестьяноведения в те годы был обусловлен целым рядом факторов как связанных с крестьянством, так и выходящим далеко за пределы социальной практики этого слоя и теоретической рефлексии по его поводу.

Усилившееся во время Второй мировой войны и особенно после ее окончания национально-освободительное движение привело к смещению интереса исследователей от доклассовых, племенных обществ к более сложным так называемым традиционным, крестьянским:

– *во-первых*, анализ последних в меньшей степени ассоциировался с «прикладным колониализмом»;

– *во-вторых*, крестьянство все больше выступало в качестве субъекта или как минимум фактора социально-политических процессов в

странах Азии, Африки и Латинской Америки, а этнология и культурная антропология, традиционно ориентированные на изучение охотничье-собирательских, примитивных обществ не смогли не только предсказать подъем национально-освободительной борьбы, но и объяснить его;

– *в-третьих*, к середине XX в. исчезновение «примитивных обществ», как заметил Б. Бердичевски, заставило антропологов обратиться к более сложным социальным структурам и придумать некое «крестьянское общество», чтобы не остаться без объекта исследования или же обрести новый, не менее экзотический, чем каннибалы, объект изучения вместо утраченного⁶.

Если принять полушутливый тон Бердичевски, то получается, что, после того как «охотников за головами» убедили хотя бы частично отказаться от их занятия, а австралийским аборигенам доказали, что винчестер надежнее бумеранга, их изучение утратило интерес и на смену в качестве объекта изучения выдвинулся крестьянин.

Наконец, последнее по счету, но не по значению. В 50-х – 60-х годах в западной социологии широкое распространение получили теории модернизации. Они предполагали анализ аграрных структур и проблем крестьянства, но в специфической, скорее негативной форме: поскольку в грядущем «модернизированном» мире, согласно основным идеям его «архитекторов», крестьянам не могло быть места, они должны были исчезнуть – либо превратиться в фермеров, либо стать городскими или сельскими пролетариями. При таком

подходе специфически крестьянские ценности, культура, психология интерпретировались как сугубо негативный фактор на пути развития, отождествлявшегося с «модернизацией» – «вестернизацией», как препятствие, которое необходимо преодолеть, уничтожить. Оформился даже целый подход в социальных исследованиях афроазиатской деревни, отталкивающийся от тезиса «крестьянская (традиционная) культура как источник отсталости и препятствие развитию», представители которого писали об иррациональном, мистическом характере поведения крестьянина.

В это же время «крестьянские» неевропейские общества было легче теоретически «привязать» к развитию капитализма, типологически приравняв их к феодализму и трактуя их развитие в эволюционистском духе как стадию, аналогичную феодализму в Западной Европе, логически предшествующую капитализму и автоматически долженствующую прийти к нему в процессе применения западных экономических и политических моделей развития – в процессе «модернизации».

Все это вызвало усиление интереса к крестьянству в «славное тридцатилетие» (Ж. Фурастье) 1945–1975 гг.

С середины 70-х годов «крестьянские штудии» просто переживают бум, который продлился почти полтора десятилетия. В 1975 г. начинается издание сразу двух крестьяноведческих журналов – *Peasant studies* (Солт-Лейк-Сити) и *Journal of peasant studies* (Лондон), в которых, по сравнению с выходящим с 1936 г. журналом *Rural sociology* (Мэдисон) акцент был смещен с аграрного на крестьянский вопрос.

В 1976 г. выходит веховая работа Дж. Скотта «Моральная экономика

крестьянина», вызвавшая бурную дискуссию, которая продолжалась несколько лет, а затем последовал просто шквал работ и дискуссий по крестьянству. Это было обусловлено как аграрно-крестьянской проблематикой, так и проблемами, выходящими за ее рамки.

Во-первых, стало ясно, что вопреки прогнозам крестьянство даже Франции, Италии и Японии, не говоря уже о таковом на периферии капиталистической системы, обладает значительно большим потенциалом выживания и сопротивления фермерскому и крупному капиталистическому хозяйству. Более того, в таких странах, как Япония и Италия, несмотря на уменьшение численности крестьянства, оно продолжало играть заметную политическую роль, став одной из баз правых и правоцентристских партий.

Во-вторых, проблемы экологии, демографии, развития аграрного сектора самого по себе, «зеленая революция» – все это в 70-е годы усилило интерес исследователей к крестьянству.

И, наконец, *в-третьих*, чисто практическая проблема, вставшая прежде всего перед американскими учеными: после поражения США во Вьетнаме (1975 г.) они должны были ответить на вопрос, почему вьетнамские крестьяне в массе своей поддерживали коммунистов⁷.

Наложение всех этих факторов привело к тому, что уже в начале 70-х годов «крестьянские штудии» стали развивающейся «отраслью» науки, а во второй половине, как уже говорилось, произошел скачок.

Т.Шанин писал, что крестьянство было как бы открыто заново после

многих лет «пребывания во мраке», «крестьянская проблема» вернулась с шумом как главный вопрос войны и мира в виде поля боя во Вьетнаме и голода в Индии и нашла отражение в политике «сверхдержав», волнениях в кампусах и гетто «цивилизованного мира»⁸.

К сожалению, в СССР в тот период, за довольно редкими исключениями, собственно крестьянская тематика находилась на втором плане, будучи как бы ответвлением изучения аграрного вопроса. В то же время и на Западе крестьяноведческий бум на рубеже 80-х – 90-х годов начал стихать, в том числе и по следующей причине: крестьяноведение как исследовательский комплекс столкнулось с такими теоретико-методологическими проблемами, которые не могли быть решены внутри изучения самого крестьянства. В частности, это проявилось в спорах об определении «крестьянина».

Этот вопрос, кстати, был затронут в обзоре дискуссии хоть косвенно и по касательной, однако и это лучше, чем ничего.

Ю.А.Васильев, отмечая, что крестьянство на политику военного коммунизма ответило войной, пишет: «Спротивление крестьянства политике власти не позволило уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового»³.

Прежде чем перейти к проблеме определения понятия «крестьянин», приведу мнение В.Л.Телицына о том, что, хотя военный коммунизм вызвал ожесточенное крестьянское сопротивление, он спас режим, худо-бедно обеспечив подконтрольные ему города продовольствием³.

Я добавлю: военный коммунизм во многом спровоцировал Гражданскую войну.

«Наша партия за гражданскую войну, – писал Л.Троцкий в июле 1918 г. – Гражданская война уперлась в хлеб. Да здравствует Гражданская война!»

Гражданская война, как это ни странно, упрочила режим, заставила большевиков сплотиться перед лицом врага, что подчеркивал Троцкий.

Кто такой крестьянин?

На первый взгляд ответ на этот вопрос достаточно прост. На самом деле это не так: крестьянин – весьма сложный, нетождественный самому себе социальный тип, своеобразный пазл.

Ю.А.Васильев верно увязывает крестьянственность с собственностью. В этом же направлении рассуждает и Асонов, различающий крестьянство в широком и узком смысле: в широком – это большая социальная группа сельхозпроизводителей, в узком – только общинники³.

С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Поскольку в число сельхозпроизводителей входят арендаторы и батраки, не имеющие земельной собственности и далеко не всегда включенные в традиционную социальную (общинную) организацию. На самом деле крестьянином является именно тот, кого Асонов определил в качестве крестьянина в узком смысле слова.

Увеличение численности арендаторов и батраков было следствием процессов «модернизации» в России, точнее, ее темных сторон, которых было больше, чем светлых. Спорным, однако, остается вопрос, превратилась ли Россия в начале XX в. в посткрестьянское общество?

В.В.Бабашкин дает утвердительный ответ на этот вопрос. Он говорит

о том, что традиционное (или крестьянское, аграрное) общество втягивалось в процесс модернизации, а потому постепенно переставало быть крестьянским, причем происходило это не так постепенно, как в странах западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать указанный процесс идеология этого общества³.

В этом тезисе есть с чем поспорить: само по себе втягивание в модернизацию не означает превращения крестьянского общества в посткрестьянское. Все зависит от того, ломает ли модернизация общину и общинную собственность или нет.

Так, в Ирландии в XVIII в., а в Италии и Северной Мексике уже к концу XIX в., если не к его середине, действительно возникло посткрестьянское общество, т.е. такое, в котором основная масса аграрного населения – работники, не являющиеся собственниками и не имеющие своей организации, что делает их легкой добычей латифундистов и бандитов*.

И хотя в русской пореформенной деревне имелось немало признаков разложения (достаточно почитать «физиологические очерки» Г.Успенского, статьи народников о «кабацкой цивилизации», «Деревню» Бунина), сельский социум в России был

* Эти явления хорошо описаны в латиноамериканской художественной литературе – в романах Х.Рульфо (особенно «Педро Парамо»), М.Астуриаса и др.

общинным, а следовательно, крестьянским – до конца 20-х годов (да и позднее), сохранял многие крестьянские черты: «антикапиталистическая модернизация» по своей сути была более щадящей по отношению к крестьянственности.

Значительно больше образ посткрестьянского общества подходит не пореформенной, а постсоветской России, где, как пишет А.В.Третьяков, «крестьянство уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику»⁹. При этом в постсоветской России рушатся те институты, которые хоть как-то поддерживали сельское население вообще и то, что осталось от «колхозного крестьянства» в частности. Например, сельскую школу, которую усиленно рушат реформаторы от образования.

«Сельская школа, – подчеркивает М.М.Фрянцев, – тот последний рубеж, сдав который, государство окончательно расписется в том, что обрело российское крестьянство на гибель»³.

Я добавлю: именно к этому подталкивают власть иные эксперты. Например, И.В.Абанкина (Институт развития образования ГУ-ВШЭ) в работе «Культура безлюдья» утверждает, что необходимо слить «затратные» сельские школы и библиотеки в «интегрированные социальные учреждения» в крупных населенных пунктах. Я называю это ликвидацией образования, а если к школам добавить медицинские учреждения, то и жизни. Название книги Абанкиной будет оправданно – безлюдье.

Иными словами, сегодня доделывается то, что реально начал делать «либерал» Н.С.Хрущев в 1949 – марте 1951 г. (да-да, именно Хрущев, а не

Сталин – достаточно почитать как партийные документы, так и, например, романы Ф.Абрамова), укрупняя колхозы, ликвидируя самостоятельность звеньев (т.е. семейной организации хозяйства) – по сути громя русскую деревню. От «окончательного решения» русскую деревню тогда спас Сталин, отстранив Хрущева от проведения аграрной политики как раз в тот момент, когда тот собирался реализовывать программу агрогородов. Но если в 1951 г. либералотроцкиста Хрущева было кому одернуть, то в 1959 г. он развернулся в полную силу: дальнейшее укрупнение колхозов (45 тыс. в 1960 г. против 83 тыс. в 1955 г.), сокращение площади приусадебных участков до одной сотки и т.п.; результат не заставил себя ждать: темп роста сельского хозяйства в 1959–1964 гг. составил 1,5%; в 1953–1958 гг. он был 7,6%.

Так проходит логическая «либеральная» линия от Хрущева к «либеральным реформаторам» чубайсовско-гайдаровского разлива, лгавшим в конце 1991 г., что страна на грани голода, чтобы иметь предлог для грабительской либерализации цен.

Наперсточники от власти утверждали, что до нового урожая (конец июля) стране не хватает 26 млн т зерна. Эта цифра была получена сложением потребности в хлебе с кормовым зерном, на питание требовалось в два раза меньше.

Кроме того, в декабре 1991 – январе 1992 г. по импорту должно было поступить еще 2–3 млн т и еще 2–3 млн можно было прикупить у колхозов. 26 млн т – это годовая, а не полугодовая норма потребления страны (в 1992 г. статистическое управление подтвердит: за год было потреблено 26 млн т)¹⁰.

Однако Е.Гайдар, не слушал специалистов, ему нужно было опрокинуть цены, чтобы, лишив население денежных средств, заблокировать его возможность участвовать в приватизации. Для этого и понадобилась ложь.

На самом деле в конце 80-х годов СССР добился огромных результатов в развитии сельского хозяйства. В 1991 г. в колхозах и совхозах в хранилища засыпали небывалое количество зерна, однако правительство Ельцина –Гайдара предпочитало не замечать этого, кричало о голоде и закупало зерно втридорога у американских фермеров. А наше зерно гнило под лживые завывания о грядущем голоде; потом будут врать о том, что Гайдар спас страну от голода и гражданской войны.

Эта ложь Гайдара была акцией прикрытия базовой операции – разграбления страны и уничтожения советской деревни.

То, что бывший троцкист-«либерал» Хрущев делал главным образом по недомыслию, неотроцкисты-«либералы» 90-х годов делали совершенно сознательно.

Вернемся, однако, к проблеме определения крестьянина.

Повторю: вопрос этот значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку крестьянство крестьянству рознь. К тому же оно вписано в принципиально разные формы социальной организации.

В дискуссии этот вопрос затронул В.Э.Багдасарян. Он подошел к проблеме под следующим углом: идентичные ли институты скрываются за маркером «крестьянская община»^{3?} Сопоставив русский «мир», западноевропейский *civis* и китайскую «цзя»,

Багдасарян пришел к выводу: ни по одному параметру из используемых им для сравнения (не будем обсуждать критерии сравнения, которые выбрал участник дискуссии, примем их как данность, хотя здесь есть вопросы) совпадений не обнаружилось. Налицо три принципиально различных института, которые мы обозначаем одним термином: «община».

На Западе, пишет Багдасарян, община, основанная на индивидуалистической парадигме, легко распалась, а русская община, базирующаяся на коллективистской традиции, при всех попытках роспуска воспроизводилась в новых формах³. При этом, однако, он делает вывод, что русская община не смогла адаптироваться к «модернизации»³.

Я вижу в этом тезисе глубокое логическое противоречие, поскольку на самом деле не смог адаптироваться западноевропейский *civis* – он распался. Если распад, т.е. социальная смерть, это адаптация, то тезис Багдасаряна верен. Если адаптация – это сохранение в новых условиях в новой форме, то русская община, как китайская цзя, как индийские касты, безусловно, адаптировались к модернизации. Я не говорю уже о том, что педалирование разрыва и дисконтинуитета между традицией и модернизацией ошибочно – эта «мода» в серьезной науке прошла еще в 60-е годы.

В свое время в пионерной работе «Современность традиции» супруги С. и Л.Рудолф показали, как адаптируются к современности традиционные формы, которые, не меняя своей сути, субстанции, начинают выполнять новые функции¹¹.

Различие общинных форм (и, добавлю, типов крестьянства) проявля-

ется и в различных типах крестьянских войн в России и на Западе.

Это в своем выступлении зафиксировал С.В.Алексеев, отметивший, что в Англии было только одно крупное крестьянское восстание; во Франции число крупных внутренних конфликтов совпадает с российским при заметной разнице в динамике – во Франции «значение специфического крестьянского фактора уменьшается в XIX в.», и это противоположно российской тенденции³.

Здесь есть замечания:

– *во-первых*, восстание под руководством Уота Тайлера (1382 г.) не совсем крестьянское: в нем большую роль играли арендаторы, батраки и горожане;

– *во-вторых*, в последние три-четыре десятилетия в европейской историографии все чаще английское восстание объединяют с восстаниями «белых колпаков» во Франции и чомпи во Флоренции в европейскую народную антифеодальную революцию, надломившую хребет феодализму¹²;

– *в-третьих*, отличие русской ситуации XVIII–XIX вв. от французской объясняется, помимо прочего, тем, что в России модернизация началась позже, чем во Франции.

Но самое главное заключается в другом: Алексеев не зафиксировал тот факт, что, во-первых, в России вспыхивали не крестьянские, а казацко-крестьянские войны, в которых именно казачество становилось «спусковым крючком» и было ударной силой; во-вторых, крайне незначительную роль играло городское население.

В Западной Европе горожане практически не принимали участия

только в Жакерии (1356 г.), а в восстании «белых колпаков» (Франция), У.Тайлера (Англия), таборитов и крестьянской войне в Германии городской люд играл значительную роль, причем нарастающую по мере хода истории. В России горожане были активны лишь в болотниковском восстании, но не в разинском, булавинском и пугачевском, причем роль горожан, по контрасту с Европой, снижалась по ходу времени.

В любом случае, однако, различия в крестьянском сопротивлении на Западе и в России – дополнительное свидетельство в пользу принципиального различия общин и «крестьянств».

Багдасарян верно отметил наличие разных типов общин, или, как сказал бы Маркс, *Gemeinwesen*; единственное, к упомянутым участникам круглого стола – азиатскому (китайскому), западному (германскому) и русскому типам общины – следует обязательно добавить еще один тип – античный. В результате мы получаем несколько различных типов общины – и автоматически несколько **типов** крестьянства.

Причем дело здесь не в цивилизационной обусловленности, как пишет Багдасарян, и не в том, что эта последняя в свою очередь определяется природно-климатическими факторами – природа, включенная в социальный процесс, перестает быть географическим фактором, а превращается в природную производительную силу, в натуральный комплекс производительных сил.

Различные типы общины (*Gemeinwesen*) характеризуются различными вариантами соотношения коллективного и индивидуального тру-

да, а следовательно, коллектива и индивида. А эти соотношения, в свою очередь, определяются соотношением природных и искусственных про-

изводительных сил (факторов производства), разрывом между ними. И чем больше разрыв, тем больше господство коллектива над индивидом.

Типология *Gemeinwesen* – ключ к изучению социальных основ «крестьянских обществ»

Более чем полтора века назад Маркс в знаменитой работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» без привлечения цивилизационной проблематики, совершенно ненужной для объяснения существования различных типов организации земледельцев/крестьян, т.е. без нарушения правила «бритвы Оккама» (*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*), объяснил существование принципиально различных форм общины (*Gemeinwesen*), не покидая сферу производства. И действительно, формы *Gemeinwesen* возникают до появления социально-антагонистических систем, тех же рабовладения и феодализма. А ведь именно на основе этих систем, а не на доклассово-племенной основе и возникает цивилизация, которая в качестве объясняющего фактора в данном случае, как сказал бы Лаплас, лишняя гипотеза.

В азиатских формах *Gemeinwesen* коллективное начало господствует над индивидуальным. Здесь природно-производственные условия, т.е. условия включения сил природы в социальный процесс и превращение их в натуральные производительные силы, позволяют только коллективное создание экономического продукта (каста, клан и т.п.). Именно поэтому здесь вся социальная иерархия – это иерархия коллективов раз-

личного размера (общины, макрообщины), по отношению к которым индивиды относятся «как акциденция к субстанции»¹². Отсюда только общинная собственность, никакой не только частной собственности (последняя предполагает наличие частных лиц), но даже индивидуально-обособленной. Таковым здесь может быть только владение.

Античная форма *Gemeinwesen* отражает такое соотношение между природными и искусственными производительными силами, при котором экономический продукт создается уже индивидуально, т.е. субъект труда как активного отношения человека к природе индивидуален. Однако, хотя индивиды в трудовом плане выделились из *Gemeinwesen*, они должны сохранять ее перед лицом рабов, перед другими *Gemeinwesen* (полисами). Полисная революция VII–VI вв. до н. э., завершившаяся реформами Солона и тиранией Писистрата и его сыновей, заблокировала возможность внутриобщинного рабства в Афинах. Таким образом, наличие полиса-коллектива свободных индивидов стало необходимым условием индивидуальной эксплуатации раба каждым членом полиса. Фиксацией этого членства, т.е. участия в гражданской общине, было право на долю в общинной земельной собственности (в Риме – *ager publicus*).

Маркс зафиксировал это следующим образом: «Член общины (в античной форме *Gemeinwesen*. — Авт.) воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде..., а кооперацией в труде для общих интересов, <...> обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри»¹².

Наконец, германская форма *Gemeinwesen* наиболее индивидуализированная и представляющая диаметрально противоположность азиатской: если в последней индивиду суть функции целого, мини-целое, то в первой сама община выступает как объединение индивидов. Общинная собственность есть дополнение к индивидуальной, а коллективная собственность на землю осуществляется здесь как собственность не на средство производства (пашня), а только как на условие производства и вспомогательную территорию (луг, лес — достаточно вспомнить причину конфликта между Робин Гудом и шерифом Ноттингемским).

Из определенных форм *Gemeinwesen* могут вырасти только определенные социально-антагонистические общественные системы (способы производства):

- из азиатской — «азиатские»;
- из античной — рабовладельческий;
- из германской — феодальный.

Однако сама по себе ни одна форма *Gemeinwesen* не является социально-антагонистической.

Здесь необходимо сделать пояснение. Применительно к докапиталистическим обществам я предпочитаю термин «социально-антагонистический» термину «классовый». В широком, нестрогом, т.е. почти метафорическом смысле, классом именуется любая большая группа людей с общими признаками; говорят о соци-

альных, политических, возрастных и т.п. классах.

В строгом, системно определенном смысле термина о классах, вопреки тому, что писали вульгарные марксисты, можно говорить только применительно к капиталистическому обществу, базовая единица организации которого — индивид; только в капиталистическом обществе социальный индивид и индивид физический совпадают практически полностью. Класс в строгом смысле не может состоять из коллективностей, из коллективных индивидов (каст, кланов, племен, полисов, общин и т.п. *Gemeinwesen*) — только из индивидов, выделившихся из общины, отделенных от природных средств производства (земля) и свободно распоряжающихся своей рабочей силой. Эта последняя обменивается на овеществленный труд, который, развертывая себя в качестве самовозрастающей стоимости, и конституирует капитал¹³.

Ясно, что общинно-организованное докапиталистическое крестьянство классом в строгом смысле быть не может, в лучшем случае оно класс в широком смысле (далее — в широком значении термин «класс» будет употребляться в кавычках). В то же время в определенные периоды исторического развития в определенных условиях крестьянство может превращаться в класс безо всяких кавычек. Происходит это тогда, когда крестьянство, перестав быть общинным, становится семейно-парцеллярным, однако при этом капиталистический уклад еще не подчинил себе аграрную сферу полностью, не определил ее развитие, т.е. выступает как ведущий, но не доминирую-

щий уклад, нередко развиваясь не столько в промышленной, сколько в финансовой сфере.

Это ситуации Франции и Италии XIX – первой половины XX в., ряда других стран.

Нередко такое классовое положение искусственно поддерживается правящими слоями: в политических целях они тормозят превращение парцеллярного крестьянства в фермеров. Ясно, однако, что такое крестьянство существенно отличается от того, что организовано в *Gemeinwesen*, поскольку существует в рамках социальной организации иного стадийного типа, да и исторические сроки его существования невелики.

Gemeinwesen суть организации для такого присвоения природы, в ходе которого труд и собственность выступают в единстве – собственность как присвоение продукта труда посредством собственного труда. Докапиталистические общества эксплуататорского типа, а вместе с ними цивилизация возникают при разрыве труда и собственности и низведении тех или иных коллективов и индивидов до уровня орудий труда, объектов, т.е. общества этого типа выступают как негативно-диалектические, перевернутые формы своих *Gemeinwesen*. Поэтому цивилизационные различия, о которых пишет Багдасарян, никак не влияют и не могут влиять на тип общины; напротив, это тип *Gemeinwesen* влияет на тип цивилизации, причем не прямо, а опосредованно: чем больше разрыв между природными и искусственными производительными силами, тем больше цивилизационных

вариантов у одной и той же системы производства.

Так, «азиатский» способ производства представлен дюжиной цивилизаций, а феодальный, основой которого является германская форма *Gemeinwesen*, – одной; более того, европейская цивилизация имеет два стадийно-системных (марксист сказал бы «укладно-формационных») варианта – инверсия по отношению к «азиатскому» типу.

Помимо естественно развивавшихся общин были и, если так можно выразиться, исторически модифицированные.

Так, в Византии с VI в. позднеантичное государство в своих фискальных целях в течение двух столетий максимально укрепляло общину. И когда оно стало слабеть, а в византийском обществе появляться группы протофеодального (но еще не феодального) типа, эта модифицированная усиленная община стала барьером на их пути, а преодоление барьера растянулось на несколько столетий. В результате, в случае с Византией, мы имеем очень странный, как отмечают историки, «недоделанный феодализм» (на мой же взгляд, в Византии, как и в России, феодализма вообще не было).

В русской истории община тоже неоднократно «модифицировалась» властью, в том числе в XVIII–XIX вв., причем налицо тенденция к ее укреплению, которому в XIX в. рукоплескали и консерваторы, и революционеры. Поэтому то, что мы имеем в начале XX в. в России, это не просто один из типов *Gemeinwesen*, а историческая конструкция, над которой, как и над типом крестьянственности, немало поработала власть.

Крестьянин – персонификатор трех форм разделения труда

Издесь перед нами опять возникает вопрос определения понятия «крестьянин», вопрос о различных измерениях крестьянственности, система которых и конституирует эту последнюю.

Социально-исторические типы невозможно анализировать вне процессов общественного разделения труда. Крестьянин как социально-исторический тип есть персонификатор сразу трех форм общественного разделения труда: хозяйственного, социопространственного и социально-антагонистического (классового в широком смысле слова). Каждая из этих форм разделения труда накладывается на другую и переплетается с ней, создавая историческую многослойность.

Именно эта многослойность, многомерность, это взаимопереплетение и взаимоперетекание различных форм разделения труда в одном социальном типе и слое делает крестьянина весьма «трудным», «неудобным» для исследователей, особенно вульгарно-марксистского и либерального «разлива», пытающихся втиснуть крестьянина в прокрустово ложе схем, в основе которых лежат внеположенные крестьянину реальность и опыт.

Самый древний слой крестьянственности – земледельческий. Земледелец – вот кто действительно предшествует горожанину*, ибо персонифицирует наиболее древнюю из трех указанных форм разделения

труда – хозяйственную, фиксирующую обособление земледелия от иных видов хозяйства в качестве особого типа деятельности. Однако крестьянин не исчерпывается земледельческой функцией: всякий крестьянин – земледелец, но не всякий земледелец – крестьянин.

Второе измерение крестьянственности – бытие крестьянина как такового земледельца, который противопоставлен городу и лишь в процессе этого противостояния («антигорожанин») он выступает как крестьянин, а село – как «деревня крестьян». Только с возникновением города, с выделением его из недр доклассово-племенного общества, выступающего как такая сфера общественного производства, в которой социальная и духовная сферы не отделились (институционально) от предметной, создается адекватная основа для выделения из племенного общества крестьянства, а точнее – для превращения свободных земледельцев в крестьян.

Со вторым измерением и слоем крестьянственности тесно связан третий. Город – это отнюдь не абстрактное с точки зрения стадияльно-системной («укладно-формационной»), как опять же сказал бы марксист) принадлежности явление. Становление города – это и становление социально-антагонистического общества. Исторически возникновение города знаменует переход от племенного («доклассового») обще-

* О.Шпеглер писал, что крестьянин предшествует горожанину и переживет его.

ства к одной из форм социально-антагонистического типа – «азиатской», антично-рабовладельческой или феодальной. Следовательно, и горожанин, и крестьянин, возникая из недр племенного общества, исторически сразу же получают толчок к движению в определенном стадийно-системном направлении и определенную стадийно-системную если не характеристику, то, по крайней мере, перспективу.

Происходит, во-первых, окончательное разделение сферы общественного производства, совпадающего с племенным обществом в целом как производственной ассоциацией (В.В.Крылов), на основные сферы (предметно-хозяйственную и духовно-теоретическую); во-вторых, единого социально-гомогенного трудособственнического присвоения – на труд и собственность с антагонизмом последних. Город становится местом (пространственным фокусом) вынесения коллективного продукта общества (со временем – и монополизации его определенными группами, персонифицирующими сферу целеполагания), а потому у различных форм социального действия возникает социопропространственное измерение.

Третий, верхний, исторически наиболее «молодой» социальный слой крестьянина связан со сферой социально-антагонистических отношений. Крестьянин (и его антипод горожанин) воспроизводит себя не просто и не только как крестьянин (горожанин), но и как совершенно определенный в социосистемном (системообразующем) отношении тип. Сюда добавляются и воспроизводство крестьянина или горожанина еще и в

качестве члена определенного коллектива, *Gemeinwesen* – общины, касты, цеха, ранга, религиозной группы и т. д.

Именно определенная форма отчуждения воли (личности) и экономического продукта (эксплуатация) и воспроизводит докапиталистического социального индивида в качестве социального и придает ему эту качественно определенную системную (например, феодальную) характеристику¹⁴.

Ясно, что крестьянства, имеющие в качестве своей социальной основы различные типы *Gemeinwesen* и являющиеся элементом различных социальных систем, будут отличаться друг от друга.

Так, крестьянство «азиатских» обществ условно можно назвать «одномерным». В «азиатских» обществах социально-антагонистические отношения складываются между коллективами различного формата, размера и уровня (общины – макрообщины – мегаобщины), отличающимися друг от друга, как правило, профессиональными занятиями. В наиболее чистом виде это представлено кастовой системой в Индии, хотя вполне очевидно, что и на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Иными словами, здесь общественные различия внешне фиксируются как профессиональные, трудовые – четыре базовые группы почти во всех «азиатских» обществах: жрецы, воины, земледельцы и торговцы (рабы – за пределами официальной «сетки»).

Кроме того, поскольку город в строгом смысле этого слова (т.е. как социальное явление, а не как тип «строительной» организации пространства) в доколониальном афро-

азиатском мире не существовал, не выделился в качестве особого социального целого, а представлял собой административно-торгово-ремесленный сегмент некой целостности, то и дихотомия «город – деревня» была размытой – нерасчлененное единство города и деревни – здесь, в отличие от феодальной Европы эпохи после коммунальной революции, городской воздух не делал человека свободным. В результате крестьянин выступал прежде всего как земледелец; два других измерения крестьянственности носили приглушенный характер.

Крестьянство античности – «двухмерное». Здесь свободные люди, члены полиса, гражданской общины, как те, что живут за городскими стенами, так и те, что живут внутри них, противостоят рабам в качестве коллектива, *Gemeinwesen*, и поэтому в данном качестве не являются классом. Город (полис) включает в себя сельскую местность, община сосредоточена в городе, т.е. даже «крестьянин» противостоит представителям других полисов как горожанин, а рабам, даже не принадлежащим ему, как представитель коллектива свободных.

Иными словами, здесь присутствует уже не только земледельческое, но и городское/антигородское измерение, тогда «классовое» (даже в кавычках) размыто, несформировано, оно выявляется лишь по мере разложения общины, особенно во время связанных с этим процессом гражданских войн*.

Феодальное крестьянство можно вполне назвать «трехмерным».

Во-первых, здесь четкое обособление города от деревни. Именно с феодализма история начинает развиваться как противоречие города и деревни, отсюда невиданная по сравнению с другими докапиталистическими обществами динамика феодализма. По сути, феодализм создал все условия для возникновения капитализма, общества Модерна, пусть и посредством негативно-диалектического отрицания – так всегда бывает в истории (например, историческое отношение христианской и античной культур).

Как заметил У.Эко, «все проблемы современной Европы сформированы в своем нынешнем виде всем опытом Средневековья: демократическое общество, банковская экономика, национальные монархии, самостоятельные города, технологическое обновление, восстание бедных слоев»¹⁵.

Во-вторых, отчуждение воли (личности) и экономического продукта, основанное на германской форме *Gemeinwesen*, носит индивидуальный характер; это проявляется как в отношениях сеньора и крестьянина, так и в межфеодальных отношениях – «вассал моего вассала – не мой вассал».

В-третьих, по мере исчезновения уже в XIV в. индивидуальной личной зависимости, внеэкономические производственные отношения начинают складываться главным образом по поводу внешнего по отношению к человеку объекта – земли. Если базо-

* Этот период в Риме можно отсчитывать, начиная с Гракхов, по мере обострения аграрного вопроса; вообще нужно сказать, что чем острее аграрный вопрос, тем отчетливее проявляется крестьянственность как социальный тип.

вый принцип раннего Средневековья (середина IX – середина XI в.) – *nulle home sans seigneur* («нет человека без сеньора»), то принцип «высокого средневековья» (середина XIII – середина XV в.) – *nulle terre sans seigneur* («нет земли без сеньора»).

Индивидуально-личностные и индивидуально-поземельные отношения в деревне при наличии помимо аграрного феодализма еще и феодализма городского, урбанистического – это та ситуация, когда все три измерения крестьянственности становятся очевидными и функционируют открыто, здесь остается один шаг для превращения крестьянства из «класса» в класс, что и происходит в Западной Европе в Новое время.

Но, быть может, ввиду тесной связи города и отношений отчуждения и эксплуатации вообще не стоит противопоставлять и выделять антигородское и социально-антагонистическое («классовое») измерения крестьянственности? Не лучше ли объединить их?

Думается, последнее было бы ошибкой. Мало того, что в этом случае оказались бы смешанными два принципиально различных типа разделения труда – социопропространственного и классового, но была бы затуманена и самостоятельность антигородского измерения, обусловленная следующим.

В отличие от капиталистического общества, существующего в одном стадийном варианте, социально-антагонистическое докапиталистическое общество существовало в трех исторических вариантах. Следовательно, крестьянин социопропространственно противостоял трем различ-

ным социально-историческим типам города, т.е. при исторически различной в каждом случае социосистемной принадлежности в целом типологически сохранялась одна и та же социопропространственная форма. Это и делает необходимым выделение антигородского измерения.

При этом антигородское и «классовое» измерения вступают между собой в сложную диалектическую связь. В антигородском (социопропространственном) измерении специфическим образом снимается «классовое» (в гегелевском смысле – *Aufhebung*). В то же время социально-антагонистическая характеристика привязывает крестьянина к городу (даже самым фактом сопротивления ему) и одновременно диалектически снимает антигородское измерение.

Социально-антагонистическое измерение также специфическим образом снимает предметно-хозяйственное (земледелец с точки зрения труда, формы – один и тот же во всех докапиталистических обществах). Таким образом, социально-антагонистическое измерение крестьянственности выступает главным, системообразующим элементом с общесоциальной (социально-экономической) точки зрения. Однако внешне создается впечатление, что главное определяющее для крестьянина как социального типа – это его предметно-вещественные характеристики, труд, отношение к земле, в процессе которых он и воспроизводится как социальное существо. На самом деле в рамках трудовых процессов воспроизводится земледелец; крестьянин – более сложный и многослойный социальный тип, далеко

не исчерпывающийся предметно-хозяйственными характеристиками и не воспроизводимый в их рамках.

У этой невоспроизводимости несколько аспектов, характеризующих ее как с точки зрения общественной практики, так и с точки зрения требований к теоретической концептуализации.

Начать с того, что человек как целостное социальное существо вообще невоспроизводим в рамках процесса труда. В последнем воспроизводятся либо личные, либо вещественные факторы труда; поэтому должна существовать система конкретных видов труда (работ), связанная обменом; Маркс потому и писал, что общественный характер производства дан обменом (формами деятельности и ее продуктами).

Таким образом, человек (в том числе и крестьянин) воспроизводится на уровне совокупного процесса общественного производства в целом (т.е. системы, элементами которой выступают распределение факторов труда, действительный процесс производства, распределение продуктов труда, обмен и потребление).

Что касается отношения «живой труд – земля», то на его уровне и в его рамках концептуализация индивида как конкретного стадийно-системно определенного социального существа в принципе невозможна, ибо это всеобщие факторы труда – факторы, общие для всех способов производства и не имеющие отношения к общественной форме последних. В лучшем случае, в рамках этого отношения можно концептуализировать крестьянина как земледельца, «земледельческий скелет» крестьянственности.

На первый взгляд кажется странным, что крестьянин – житель деревни – как социальное существо воспроизводится в значительной степени за рамками земледельческого труда и деревни; что именно за этими рамками он получает свое завершённое сущностное определение на социально-антагонистическом уровне, т.е. как «классово» определенный индивид. Но историческая практика подтверждает это.

Например, если взять ситуацию, когда представитель господствующего класса находится вне общины (феодализм), то здесь совершенно ясно, что воспроизводство крестьянина как элемента социальной системы (и как целостного социального существа) в значительной степени вынесено за рамки деревни (не говоря уж о комплексе отношений «деревня – город», участии крестьян в торговле и т. д.).

В процессе социального воспроизводства крестьянина различные исторические слои его как типа, различные измерения крестьянственности могут приходить в противоречие. В то же время все вместе они образуют некое единство и развиваются по законам высшего («верхнего») и доминирующего слоя – социально-антагонистического, который и придает этому единству системный и в значительной степени целостный характер. Однако каждая из подсистем-слоев развивается и в соответствии со своими законами и особенностями, имеет собственный, не совпадающий с другими элементами темп изменений (внешне это можно представить в виде трех разноцветных дисков различного диаметра, каждый меньший из которых нахо-

дится в центре большего и вращается с разной скоростью). Целостность докапиталистических обществ и докапиталистического крестьянства в этом смысле носит незавершенный характер.

Полностью интегрированных, целостных обществ и социальных групп, по-видимому, вообще нет, но также очевидно, что степень внутренней интеграции групп может быть различной. В том плане, в каком здесь идет речь, целостность докапиталистических обществ (за специфическим исключением – «азиатского») и докапиталистического крестьянства представляется меньшей, а с логико-исторической точки зрения менее завершенной по сравнению с капиталистическим обществом и его основными классами. Крестьянство того или иного общества – целостное образование: доминирующий в общественной системе уклад посредством характерной для него формы отчуждения воли (личности) и экономического продукта подчиняет себе жизнь крестьянства.

Однако в докапиталистическом обществе всегда существуют группы, в меньшей степени, чем другие, подчиненные законам господствующего уклада и менее «перемолотые» последним ввиду специфики своего положения (например, йомены в феодальной Англии) или особенностей развития данного уклада, базирующегося – по крайней мере в определенных периоды своего развития – на эксплуатации главным образом некрестьянских групп (антично-рабовладельческое общество).

Бульшая выраженность в той или иной группе крестьянства черт одного из его исторических слоев, различ-

ная выраженность той или иной исторической структуры в различных слоях крестьянства (не говоря уж об особенностях землевладения, имущественных отношений и т. д.) не могут не вызывать трений между этими слоями (подсистемами) в крестьянстве, его отдельных группах и в отдельном крестьянине, не говоря уж о социальном напряжении между различными слоями и группами внутри крестьянства.

Следует особо подчеркнуть, что внутренняя многослойность («полисистемность») – внутренняя черта крестьянства и крестьянина, является не столько фоном его развития, сколько его внутренним содержанием, в определенной степени стержнем, обуславливающим значительную часть тех противоречий, которые фиксировались исследователями в поведении крестьянина. Эта многослойность крестьянина объясняет, почему он в чем-то фигура, подобная горожанину. **Генетически** крестьянин и деревня возникают вместе с горожанином и городом; **функционально** же благодаря сохранению земледельческой догородской основы, на которую «наслаиваются» социопространственный и «классовый» пласты крестьянственности, он предшествует ему. В соотношении жизни крестьянина с жизнью «большого», городского общества имеется еще одно противоречие – синхронно-диахронного порядка, и это еще более усложняет крестьянина как исторический тип посредством изменения удельного веса, значения и активности каждого из слоев в зависимости от стадийного типа общества и исторических обстоятельств.

В «нормальные» периоды функционирования общественной системы эта «полисистемность» крестьянина (и крестьянства) как социально-исторической группы почти не проявляется, тогда как в период кризисов, восстаний, революций она может стать очевидной, и тогда структурно-историческое разногласие будет явным.

Очень многое в экономическом, политическом и культурно-религиозном поведении крестьянства объясняется именно несопадением, несоответствием, конфликтом этих систем.

К сожалению, большинство исследователей не учитывают этот источник различных изменений в «крестьянском обществе», а если учитывают, то неполно, как правило, либо на уровне эмпирической констатации (например, Дж. Скотт), либо на уровне отдельных социальных сфер – культуры, религии (например, «большая традиция» и «малая традиция» Р.Редфилда).

Здесь еще раз надо сказать о «классовой принадлежности крестьянства», об определении «крестьянства как класса». Во многих исследованиях, как западных, так и отечественных, распространена точка зрения на крестьянство как «сквозной» универсальный класс всех докапиталистических обществ, одинаково

вый в «азиатских», античных и феодальных обществах. Думается, такой подход ошибочен. Речь о крестьянстве должна идти прежде всего применительно к данному конкретному обществу (типу общества), в его рамках (например, «феодальное крестьянство»).

Что касается крестьянства вообще как основной массы населения всех исторических типов социально-антагонистических докапиталистических обществ, то сама логика определения термина исключает возможность говорить о крестьянстве как о классе в строгом смысле слова. Крестьянство как «универсальная» социальная группа определяется не по отношению к предметным факторам труда, а по отношению к городу в его качественных социально-исторических характеристиках. Деление «город – деревня» и понятия «город», «деревня» сами по себе логически (но не исторически!) не обладают конкретными социосистемными характеристиками (в отличие, например, от понятия «феодализм»), так же как не несет их в себе профессиональное или пространственное разделение труда. Говорить о крестьянстве вообще, о крестьянстве как «универсальном классе» – значит, смешивать различные формы разделения труда, а следовательно, и различные шкалы социального измерения.

В заключении, скажу: разработка теории крестьянства и крестьяноведения как научно-исследовательской программы (или эпистемологического поля в том смысле, который вкладывал в этот термин Фуко), но не как дисциплины – таковой оно, на мой взгляд, быть не может – предполагает решение следующих задач:

– концептуализация крестьянина как социального типа с точки зрения форм разделения труда;

– анализ проблемы социальной природы крестьянства с точки зрения соотношения в ней социосистемного и хозяйственного (отношения «человек – природа», т.е. труд);

– анализ отношения «человек – человек» в процессе производства;

– осмысление проблемы соотношения исторического субъекта и социальной системы, а также основных форм социальности, которые обусловлены ими и их взаимодействием;

– разработка вопроса типологии докапиталистических социальных систем (способов производства);

– анализ специфики положения крестьянства в различных социальных системах, специфики самореализации крестьянства как субъекта в той или иной общественной системе; короче, специфики проявления крестьянственности в исторических системах (прежде всего – докапиталистических).

А что же с этой точки зрения можно сказать о русском крестьянстве?

Система русской истории не похожа ни на один из докапиталистических типов, а социосистемная специфика русского докапиталистического общества до сих пор не определена. Цель настоящей статьи не определение исторической специфики русского общества вообще и XVI – начала XX в. в частности*.

Однако необходимо отметить характеристики, указывающие на то, чем русское общество не являлось; для целей настоящей статьи подобного рода «констатации от противного» достаточно.

1. Те, кого в русском обществе можно квалифицировать в качестве эксплуататоров, были функциональными органами центральной власти; последнюю, в свою очередь, нельзя определить как *state*, т.е. такой орган насилия, который вынесен за рамки производственных отношений. В докапиталистических обществах социальное насилие – отчуждение воли и личности как необходимое условие отчуждения экономического продукта – встроено в производственные отношения, а потому в особом, внеположенном этим отношениям органе нужды нет.

Другое дело, что в периоды ослабления центральной власти «функциональные органы» приобретали свободу в эксплуатации низов, что не меняло, однако, общих принципов социума.

Когда мужеубийца и самозванка на троне Екатерина II, чтобы компенсировать свою очевидную нелегитимность, сделала целый ряд шагов в направлении дворянства, превратив русских крепостных юридически в «белых рабов», в полускотину, и ее правление стало кошмаром для огромного количества людей, это воспринималось как нарушение социальной справедливости.

Отсюда – восстание Пугачева, а начиная с Павла I – курс на юридическое «очеловечивание» положения крепостных и облегчение их участи.

* Авторскую версию ответа на этот вопрос см.: *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // *Русский исторический журнал.* 2001. Т. IV. № 1–4. С. 15–114; *Он же.* Феномен русской власти // *Научный эксперт.* 2008. № 3. С. 10–57.

В любом случае русские крепостные всегда считали свою службу дворянам производной от службы дворян самодержавию, а Указ о вольности дворянской 18 февраля 1762 г. восприняли как обещание освобождения, которое пришло на следующий день с 99-летним запозданием.

2. Даже в период «полурабского» состояния крепостных русское общество не было рабовладельческим, поскольку, во-первых, господа выступали как индивиды, а не как коллективный рабовладелец-полис, тогда как крестьяне эксплуатировались не индивидуально, как рабы, а коллективно – как общинники.

3. Не было русское общество и разновидностью «азиатского». И дело не только в различиях общины, а прежде всего в специфике организации господствующего слоя, который выступал не как мегаобщина или каста, а как совокупность индивидов, причем с XVIII в. – индивидов европейского культурно-исторического типа.

4. Нефеодалность русского общества есть факт очевидный сразу по нескольким линиям: община, институты, специфика господствующего слоя. Несмотря на все старания либеральных и вульгарно-марксистских историков доказать наличие феодализма в России, эти попытки успехом не увенчались.

5. Наконец, не было русское общество и капиталистическим. Строго говоря, оно не стало таким даже в начале XX в. – капиталистический уклад не подчинил себе совокупный процесс общественного производства в целом; стоимость земли превышала стоимость акционерного капитала; показательно и то, что не было ни одной буржуазной партии.

Прав был А.С.Пушкин: русская история нуждается в особой формуле. Формула эта не укладывается ни в вульгарно-марксистские, ни в либеральные схемы. И крестьянство в России принципиально иное, чем в трех стадийных докапиталистических типах. Разумеется, оно – не класс. Но и как слой русское крестьянство принципиально отличается от иных «крестьянств», вступая в качестве **общинно-организованного** в **индивидуальные** отношения со своими владельцами-эксплуататорами, которые с 1762 г. получили право не служить. При этом, однако, крестьяне все равно ориентированы не столько на своих господ, сколько на власть.

И если в Западной Европе XVI–XVIII вв. господствующие слои, а затем классы смогли навязать сельскому населению свои ценности в качестве общих, национальных, то русской вестернизированной верхушке этого сделать не удалось – сельский люд продолжал жить своей организацией, своим укладом, своими ценностями, которые он ассоциировал не с господствующим классом (английский мужик уважает барина, а русский мужик – нет, писал Пушкин), а с «трансклассовой» властью, с которой и соотносил себя в реальности и в воображении.

Разрушение этого «соотношения» на рубеже XIX–XX вв. стало одним из факторов революции.

Примечания

¹ Марченя П.П., Разин С.Ю. Крестьянство и власть в России // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 140.

- ² Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 162.
- ³ Марченя П.П., Разин С.Ю. Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 20.
- ⁴ Марченя П.П., Разин С.Ю. Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 30–44.
- ⁵ Крестьянство и власть в истории России XX века. Сб. науч. статей / под ред. П.П.Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 63–69, 151, 335–346, 66, 77, 383, 80, 81, 32 // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2416>
- ⁶ Berdichevsky B. Anthropology and the peasant mode of production // Anthropology and social change in rural areas. The Hague etc.: Mouton publishers, 1979. P. 6.
- ⁷ Фурсов А.И. Современный этап изучения крестьянства в немарксистских исследованиях азиатских обществ // Фурсов А.И. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. М., 1986. С. 5–40.
- ⁸ Shanin T. Introduction // Peasants and peasants societies. Harmondsworth, 1971. P. 11.
- ⁹ Марченя П.П., Разин С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 2-я часть // Власть. 2011. №9. С. 180.
- ¹⁰ Семин А. Тайные олигархи. М., 2008. С. 88–89.
- ¹¹ Rudolf L., Rudolf S. The Modernity of tradition. Political development in India. Chi., 1967.
- ¹² Mollat M., Wolff P. Les revolutions populaire en Europe aux XIV-e et XV-e siècles. P., 1970, 465, 467.
- ¹³ Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 63.
- ¹⁴ Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонализатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 56–112.
- ¹⁵ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 103; Фурсов А.И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. М., 1991. С. 25–38; Он же. Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. М., 1992. Ч. I. С. 48–60.